

ОБРАЗ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «Ф. М.»¹

***Аннотация:** Мы исследуем образ Ф. М. Достоевского в романе Б. Акунина «Ф. М.». При анализе используются все составляющие романа (сюжет, герои и т.п.). В процессе исследования выявляются черты, характерные для Б. Акунина, позволяющие сделать вывод о том, какой образ великого писателя мы видим в романе.*

***Ключевые слова:** Ф. М. Достоевский, Б. Акунин, современная литература, массовая литература, детектив.*

Про роман Б. Акунина «Ф. М.» написано довольно много. Исследователи с разных сторон подходят к изучению романа. Пишут о его стиле, о жанровом своеобразии, об интертекстуальных связях и т. п. Многие исследователи, говоря о романе, делают акцент на том, как сделан роман. Пишут о пародийности, «игре в классику», травестии. Мне бы хотелось посмотреть в романе Б. Акунина на образ Ф. М. Достоевского, который складывается у читателя в процессе чтения «Ф. М.».

Как уже было отмечено многими исследователями, Ф. М. Достоевский занимает все пласты романа Б. Акунина. Инициалы писателя значатся в названии и пронизывают всю систему романа, об этом подробно в одной из статей пишет Н. В. Пращерук. Персонажи Акунина перекликаются с персонажами Достоевского. Про сложную персонажную организацию довольно подробно пишет Т. О. Холодинская: «Осовременивая героев «Преступления и наказания», Акунин создает целый ряд разнообразных раскольниковых, любой ценой стремящихся получить от жизни что-либо...» [Холодинская, с. 56]. Биография писателя не раз упоминается в романе. Достоевский везде. О нем говорят, его творчество и личность изучают, что и не удивительно,

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

ведь сюжетный центр романа – найденная черновая рукопись «Преступления и наказания». Т. О. Холодинская пишет: «Современный детектив Б. Акунина «Ф. М.» усвоил эстетичный опыт романа-детектива «Преступление и наказание» Достоевского с его установкой на достоверность, на объективное отображение первичной реальности» [Там же, с. 57]. Но хочется с этим не согласиться, автор статьи пишет о «Преступлении и наказании» как о первом русском романе-детективе, так же, видимо, воспринимает его и Б. Акунин. Однако, «И. Смирнов в свое время выделил особый жанр «литературы тайн» и противопоставил его детективу. <...> Многие классические произведения, в том числе, и «Преступление и наказание», И. Смирнов относит к «литературе тайн», в них тайны имеют онтологическую природу и по структуре своей это *антидетективы*» (курсив мой – В. К.) [Пращерук, с. 182].

Бесспорно, в романе Достоевского именно онтологическая тайна, а детективная составляющая играет лишь отведенную ей сюжетобразующую роль. Т. А. Касаткина пишет: «Роман «Преступление и наказание» по праву считается шедевром даже среди пяти великих романов Ф. М. Достоевского. Он – как бы своеобразный эпицентр его творчества, в нем заложены зерна всех тех идей, что будут подробнее разрабатываться в других его произведениях» [Касаткина, с. 187]. Б. Акунин словно отбрасывает «высокую» проблематику романа. Сам Акунин признается: «есть еще желание хоть как-то поиграть в то, что я – тоже немножко Достоевский» [Акунин, URL]. Акунин именно играет с великим классиком: «Текст романа подчеркнуто фантастогоричен, парадоксален, агрессивен, принципиально сориентирован на соединение несоединимого» [Пращерук, с. 183]. В акунинской иронии порой проскальзывает что-то такое, что заставляет задуматься о «Преступлении и наказании» как о чем-то старом, требующем пересмотра взглядов. Например, реакция Николоса Фандорина на Сашиного «ангела»: «–Это меня Бог толкнул <...> и ангел сулил <...> – Э-э, пригляделся к ней Ника, да ты деточка, кажется, с придурью.» [Акунин, т. 1, с. 130]. То же можно заметить, когда автор пишет про Шанежкина и явление ему Богоматери, и про бандита, который перед большим крестом каждый вечер «истово молится». То, что для Достоевского сакрально, для Акунина превращается в трюки больного сынка миллионера. Тот духовный мир, который выставлен в «Ф.М.» в ироническом свете, очень важен для Достоевского, достаточно

вспомнить одну их ключевых сцен «Преступление и наказание», где герои читают Евангелие. Т. О. Холодинская пишет: «Роман Б. Акунина созвучен произведениям Достоевского и в нравственно-поучительном ключе» [Холодинская, с. 58]. Но если для Достоевского двойственная природа человека объясняется с христианской точки зрения, то для Акунина превращение доброго в злое и обратно – простая физиология. Тому пример болезнь Ф. Б. Морозова – «синдром Кусоямы», когда он возвращается в свое состояние, то становится очень деликатным и милым, но его «его» вызывает отвращение, а ведь натура человека целостна. По Акунину, не душа в человеке отвечает за добро и зло, а мозг. Разве эти идеи могут быть созвучны Достоевскому? Можно поставить вопрос, насколько Акунин осознает себя в процессе всеобщей деонтологизации тайн. Судя по его высказываниям, он как позитивист постмодернистского извода никакой метафизики не признает. Но вернемся к образу Достоевского. Акунин, как уже было сказано, ведет игру с читателем, придумывая несуществующую «Теорейку». Игра заключается в том, что, описывая биографию Порфирия Петровича, Акунин начинает его род с немца по фамилии «То ли фон Дорн, то ли фон Дорен» [Акунин, т. 1, с. 58]. Такой ход хоть и может зацепить, все равно кажется довольно дешевым. Даже в черновик великого романа Акунин вводит своего излюбленного героя, пусть намеком, но довольно очевидным.

Таким образом, если говорить про образ самого Достоевского в романе, то он раскрывается постепенно. С каждой новой главой появляется что-то новое. Но в итоге перед нами предстает писатель, страдавший от игромании, с садомазохистскими наклонностями (пусть рассказ про эту часть биографии Федора Михайловича и ведется из уст больного, но важно, что такой рассказ есть), человек не очень сильный, и, судя по черновику, готовый писать на потребу публике. Разве из «Теорейки» мог родиться великий роман? Если мы не знаем биографии Достоевского и читаем роман Акунина, что мы узнаем о Достоевском? Разве перед нами открывается тот глубокий духовный мир, то «боление» за человека, которое было присуще Достоевскому. Мы видим, как происходит «оплощение» великого классика. Вот что пишет по этому поводу Н. В. Пращерук: «Тенденции “Ф.М.” есть отражение авторской иронии и рефлексии по поводу состояния современной культуры, штампующей “оплощенные” идеологически-детективные

вариации великих произведений, в которых действуют “плоские” двойники великих героев» [Пращерук, с. 185]. Из-за этого «оплощения», которое происходит на страницах романа «Ф.М.», роман Достоевского превращается не в начало великого пятикнижия, а в модный текст культуры: «Пили кофе, лялякали про литературу. Мы же интиеллигентные девушки. Она Мураками обожает, Коэльо для нее простоват, но Харуки – супер. А я ей говорю: твой япошка – лажа, вот русская классика – это рулез. От Достоевского, говорю, прямо залипаю вся. У меня дома ПэСэС, пятьдесят томов, так я их с первого до последнего читаю, как заведенная, а как закончу, снова начинаю. Что ни говори, а наша русская литература самая великая на свете. Особенно Достоевский, говорю, меня жутко заводит. Он такой сексуальный. Тут тебе и садо-мазо, и фетишизм, и лесби, только умей между строчек читать. И пересказала ей Сашкиного папаши лекцию, близко к тексту. – Про лесби там ничего не было. А в полном собрании сочинений Федора Михайловича не пятьдесят томов, а тридцать, – поправил Фандорин. – Неважно. Важно, что Марфутка клюнула» [Акунин, т. 1, с. 359–360]. За этим текстом охотятся, ради него (!) убивают. Как заметила исследовательница М. Черняк, роман Б. Акунина – «Преступленьице без наказаньица» [Черняк, с. 142], вот что дает нам роман Акунина. Конечно, формально зло наказано, но в стиле боевика. Игры с классикой всегда интересны, но со знаком плюс ли они? У Акунина все перевернуто. Все классическое, к чему ни прикасается Акунин, теряется в маскультной мишуре. Хотя некоторые исследователи, например, В. Савельева («Союз нерушимый вербального и визуального в романе “Ф.М.”») приходят к заключению, что перелицовка сюжета «Преступления и наказания» в романе Б. Акунина «Ф.М.» заставляет читателя узнавать «“достоевщину” в современном мире» [Тарасов, с. 90]. Но с этим никак нельзя согласиться, потому что Достоевский теряется со своей христоцентричной системой. Остается только пусть и писатель Достоевский, но с какой-то сниженной планкой. Ни о каком духовном прозрении не может идти речь, потому что нет духовности, есть только фальшь.

Сравнение мира XIX и XXI века происходит явно не в пользу последнего. Все в новом мире автоматизировано, это мир секретраш-трансвеститов, хищных литературных агентш-лесбиянок, наркоманов, миллионеров. Даже главный герой Николос чувствует себя в Москве неуютно. Он как бы несет

в себе связь с прошлым, хотя на фоне остальных выглядит не очень активным, устаревшим, даже хилым. Тому пример его поведение с женой, он готов просто отступить. Но должен ли современный мир отступать от классики?

Список литературы

Акунин Б. Больше всего люблю играть. Интервью Л. Парфенова // Русский newsweek. 2006. № 19. (97). [Электронный ресурс]. – URL: <http://viperson.ru/articles/boris-akunin-bolshe-vsego-lyublyu-igrat> (дата обращения 25.02.2018).

Акунин Б. Ф. М.: в 2 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – Т. 1. – 384 с.

Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 528 с.

Пращерук Н. В. «Детективизация» современной прозы: к вопросу об онтологии процесса // Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России. – СПб.: Петербургский институт печати, 2009. – С. 181–186.

Тарасов Г. Маска и лицо // Весь мир театр? Весь мир – литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей. – М.: Буки–Веди, 2016. – 134 с.

Холодинская Т. О. Ремейк Б. Акунина «Ф.М.»: Тематическое и стилевое своеобразие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – №4. (58). – Ч. 3. – С. 53–57.

Черняк М. «Преступленьце без наказаньица». «Ф.М.» Акунина против Достоевского (к вопросу о новых литературных стратегиях) // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Пермский государственный педагогический университет, 2007. – С. 142–151.